

ИГОРЬ МОЛОТОВ

**МОЙ ДРУГ
КАРЛОС
ШАКАЛ**

**РЕВОЛЮЦИОНЕР,
СТАВШИЙ ГЕРОЕМ
ГОЛЛИВУДСКИХ ФИЛЬМОВ
«ШАКАЛ» и «КАРЛОС»**

 ПИТЕР®

Игорь Молотов
Мой друг Карлос Шакал.
Революционер, ставший
героем голливудских фильмов
«Шакал» и «Карлос»
Серия «Новая политика (Питер)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29602998

*И. Молотов. Мой друг Карлос Шакал. Революционер, ставший героем голливудских фильмов «Шакал» и «Карлос»: ООО Издательство «Питер»; Санкт-Петербург; 2018
ISBN 978-5-4461-0544-1*

Аннотация

Герой этой книги стал прототипом для Голливудских блокбастеров «Шакал» и «Карлос». Его политическая борьба началась в то время, когда ветер перемен прокатился по всем странам: Хо Ши Мин во Вьетнаме, немислимый Мао в Китае, в Гаване смолил сигарой Фидель, а где-то в джунглях Боливии готовился к гибели Че Гевара. Карлоса же видели по всему миру, а после захвата министров ОПЕК называли «звездой терроризма». Саддам Хусейн восторгался им, он говорил о его необычайной

мужестве. Каддафи, этот великий бедуин, давал ему оружие. Сегодня Саддам и Каддафи жестоко убиты, а он, может быть последний человек, который знает их тайны. Он прославился под именем «Карлос», а враги дали ему кличку «Шакал», в честь героя книги Форсайта «День Шакала», но у них было мало общего. Шакал из романа убивал за деньги, Карлос сражался за дело свободы. Его способность запутывать следы и уходить от преследования была зубной болью для спецслужб западных стран. Последним прибежищем Ильича стал Судан, где Карлос вел жизнь преподавателя, рассказывая юным чернокожим бойцам о революционном ремесле. Но недолго. Он был похищен американо-израильской разведкой и доставлен во Францию, где его ожидала тюремная камера. Так кто же он? Террорист или революционер? «Карлос должен быть освобождён», – Александр Проханов. «Карлос наше знамя!» – Герман Садулаев. «Приговор Карлосу – приговор всему человечеству», – Израэль Шамир. «Мой привет старому революционеру!» – Эдуард Лимонов.

Игорь Молотов, – русский писатель и публицист, постоянный колумнист телеканала Russia Today. Отмечен благодарностью и грамотами Государственной Думы, а также наградами Правительства РФ. Принимал участие в качестве наблюдателя в военных конфликтах в Южной Осетии, в Донецкой народной республике. В 2017 году возглавил кампанию по освобождению Карлоса Рамиреса.

Содержание

Позабывтый солдат свободы	6
Нулевая отметка. Предисловие	12
Глава 1. Ленин, Троцкий, Рамирес	23
Глава 2. Сартр и московская dolce vita	42
Конец ознакомительного фрагмента.	54

**Игорь Молотов
Мой друг Карлос
Шакал. Революционер,
ставший героем
голливудских фильмов
«Шакал» и «Карлос»**

© ООО Издательство «Питер», 2018

© Серия «Новая политика», 2018

* * *

Позабытый солдат свободы

Он был одним из великих бойцов Организации освобождения Палестины. Он – Санчес Ильич Рамирес – венесуэлец, родившийся в Сан-Кристобале. Я считаю его великим революционером, что бы о нем ни говорили! На него легла ответственность за то, за что он отвечать не должен. Будучи венесуэльцем, он стал палестинцем. Одним из тех палестинцев, которых убивали и которых убивают сейчас.

Уго Чавес, президент Венесуэлы

У венесуэльца Рамиреса было три сына. Первого он назвал Ильич, второго – Ленин, а третьего – Владимир. Владимир и Ленин живут-поживают в Венесуэле, поддерживают коммунистическую партию и общество дружбы с Россией. А Ильич, самый умный, самый отважный – тоже поддерживает коммунистическую партию, тоже поддерживает Путина, но во французской тюрьме – уже 23 года.

Ильич учился в Москве, в Университете дружбы народов; он отказался от стипендии в Сорбонне для того, чтобы жить и учиться в стране победившего пролетариата. Вы уже поняли, какими убежденными и верными идеалам были братья Рамиресы, а пуще всех – Ильич. Ему хотелось спасти весь мир. Он взял в руки наган и пошел защищать угнетенных.

Самыми угнетенными и в то же время самыми страстны-

ми и пассионарными были палестинцы, и палестинское дело привлекало идеалистов с наганами. В лагерях палестинских беженцев тренировались и бойцы немецкой Красной армии Андреас Баадер, Ульрика Майнхоф и Хорст Малер, и красавица-палестинка Лейла Халед. Там снимал свои фильмы Жан-Люк Годар, там писал Жан Жене, палестинских бойцов прославляли поэты и писатели Европы шестидесятых годов – самой свободной эпохи старого континента.

Профессиональный революционер, собрат Че Гевары по духу, Ильич боролся в рядах Народного фронта освобождения Палестины против сионистских захватчиков, палил по банкирам, взрывал банки, брал в плен министров стран – производителей нефти (ОПЕК) в Вене, строил подполье в Европе и на Ближнем Востоке, надеялся на революцию. Он прославился под именем Карлос, а враги дали ему кличку Шакал – в честь героя книги Форсайта «День Шакала», с которым у него было мало общего. Шакал Форсайта убивал за деньги, Карлос – за дело революции и свободы.

Он не был сотрудником КГБ, хотя, как утверждают, у него были тесные связи с советской разведкой, с ее боевой организацией. Он учился какое-то время в школе КГБ, согласовывал некоторые акции, помогал русским, когда им было нужно. Он был вольным стрелком, но вольным стрелком на советской стороне.

После падения Советского Союза всемирная сеть КГБ и их друзей была сметена. Кого сдали изменники, кого пойма-

ли враги. В 1991 году Ильич бежал в Судан, но и там до него дотянулись. В 1994 году его похитила французская разведка, вывезла во Францию, его судили и дали ему пожизненное заключение – за сопротивление при аресте, когда были убиты два французских жандарма.

– Суданцы всех сдают, – сказал Ильич. – Они и Осаму бин Ладена сдали.

С тех пор прошло уже более 20 лет. Из них половину Ильич провел в одиночном заключении – власти пытались свести его с ума. Но он все выдержал. Ильич не признавал ни одного обвинения, все отрицал, и мы не можем сказать наверняка, какие дела он сделал сам, а какие были ему приписаны.

С тех пор ему дали еще два пожизненных срока, последний – в марте 2017 года. Он не сотрудничал с судом, не искал и не заискивал. Это было бы бесполезно. Недаром он называл себя «живой трофеей сионизма и американского империализма». А у сионизма – особое привилегированное положение в системе империализма. Для борцов с сионизмом нет срока давности – только пожизненная тюрьма или смерть.

Это сионистских убийц – хотя они взрывали отели с постояльцами, расстреливали мирных жителей на площадях и в домах, бомбили беззащитную Газу – никогда не называли террористами и в тюрьмы не сажали даже за самые кровавые преступления. Но борцы с сионистами всегда оказываются «террористами». И сроки им дают безмерные. Так, пять по-

жизненных сроков получил «палестинский Мандела» – Марван Баргути.

Но и в тюрьме продолжается жизнь. Ильич переписывается с людьми – компьютер ему не разрешают, но он может писать письма от руки своим красивым почерком и отправлять по обычной медленной почте своим адресатам. Судя по его письмам, он следит за происходящим, не отчаивается, продолжает борьбу.

Большим утешением стала для него его адвокат Изабель – они поженились в тюрьме. Изабель – незаурядный человек, защищает таких врагов режима, которых не всякий адвокат возьмется защищать.

Сейчас к нему допускают журналистов, у него берут интервью. Вот несколько коротких вопросов-ответов:

– Вы террорист?

– Я профессиональный революционер в ленинском смысле слова, я боец палестинского сопротивления. Мне было суждено стать профессиональным революционером, и я старался хорошо выполнять свое дело.

– Каким своим делом вы гордитесь?

– Я горжусь всем, что я сделал. Но символически операция по захвату министров ОПЕКА в Вене была самой значимой. Они думали, что они – владыки мира, но я показал им, что они уязвимы.

– Какое будущее суждено Палестине?

– Вместо государства сионистов возникнет

свободное светское и демократическое Палестинское государство для всех, для евреев и палестинцев.

– Как вы относитесь к Ле Пену?

– Я – коммунист, Ле Пен – старый фашист, но я чувствую к нему симпатию, потому что он – единственный французский политик, который рубит правду-матку. Когда-то настоящие коммунисты были такими...

– Как вы относитесь к Путину?

– Положительно, как может быть иначе? Его учили в КГБ, то есть готовили стать советской элитой. Хорошо, что он оказался во главе России. Надеюсь, что его политический проект преуспееет, потому что миру нужна сильная Россия, славянский Третий Рим на основе православия и коммунизма...

Карлос Ильич остается в плену, последний позабытый солдат советских битв. Давно вышли на волю агенты ЦРУ, MI-5, Моссада, против которых сражался Карлос. После 20 лет во французской тюрьме он с надеждой смотрит на Москву. Он надеется, что там о нем вспомнят. Он еще надеется выйти и провести медовый месяц с женой, который оказался отложенным на годы.

Его адвокат и жена Изабель сказала мне, что французские власти могут согласиться выпустить Ильича в Россию, если та попросит. Хоть он и не был советским агентом в прямом смысле слова, но и к нему относятся слова Путина: «Мы своих не бросаем»...

Эту идею подхватил Игорь Молотов, молодой энергичный русский писатель и публицист радикального толка. Таких людей не много – а тем более в России, пережившей резкий спад пассионарности. Он встречался с крайне левыми и крайне правыми и дошел до Ильича. Молотов не только книгу написал про великого мученика революции, но и лично возглавил кампанию за освобождение Ильича. Это хорошо – именно такого лично ангажированного участника борьбы и не хватало раньше для победы. Игорь, надеюсь на твой и наш успех.

Израэль Шамир

Нулевая отметка. Предисловие

– Здравствуй, товарищ, как дела?

– О, я хорошо, Карлос! Ты как? Я только сегодня приехал к нашим турецким товарищам.

– А ты уже получил от меня письмо? Я отправил его уже больше недели тому.

– Нет пока. Почта. Знаешь, у нас есть много шуток про русскую почту...

– Сегодня мне пришло письмо от тебя. Я еще не ответил... Ты извини, я плохо говорю по-русски. Столько лет тюрьмы, ты знаешь... Когда-то я хорошо говорил. В том письме, что я тебе отправил, очень много документов, которые тебе пригодятся для работы.

Из телефонного разговора автора с Карлосом Шакалом, 1 июля 2017 года, Стамбул

Я задыхался от жары: в те дни в Стамбуле столбик термометра перепрыгнул отметку в 36 градусов. А до этого были изнурительные 10 часов в аэропортах, самолете и машине. В аэропорту «Ататюрк», гигантском сооружении из стекла и пластика, меня уже ждал Гювен Иылмаз, симпатичный 50-летний турок, знакомый по продолжительной переписке. Вы же, наверное, знаете, как это бывает: мессенджеры, гаджеты, и ты заводишь дружбу, даже не пересекая границу. Кроме того что он был славным парнем, Гювен имел интересную работу адвоката и не менее интересные политические взгляды.

ды. Он был исламским радикалом, а его клиентом числился Ильич Рамирес Санчес, известный также как Карлос Шакал. Именно этот аспект его деятельности привел меня в столицу бывшего Османского халифата – город исламского смирения и французского порока.

Ночной Стамбул, Босфор, ужин и отель, где можно было по-хозяйски заварить кофе и поразмышлять, поглядывая на шпили минаретов, пронизывающих тяжелое средиземное небо. «Учитель-террорист, журналист-террорист, врач-террорист», – я с расстановкой примерял клише к мирным профессиям, как бы пробуя словосочетания на вкус. Мы вообще много в последнее время говорим о терроризме: террористы ведут партизанскую войну, атакуют американские военные колонны в Ираке и Афганистане, терроризм стал частью нашей жизни, как какой-нибудь дождь. Но если с дождем все понятно, то с террористами не очень: где грань между терроризмом и освободительной войной? Как нам отличить террориста от революционера? Я отпил глоток крепкого кофе и решил, что эту книгу следует начать с пояснения. Давайте отделим мух от котлет.

Бывший генеральный секретарь Совета ЕС Хавьер Солана говорил, что 90 % потерь убитыми в современной войне приходится на гражданских лиц. Из этого следует, что противоречащие международным нормам интервенции Запада – это обыкновенный терроризм. Мир, который не желает признать, что войны в Ираке, Ливии и Сирии, развязанные НА-

ТО, были проявлением чудовищного по своему масштабу акта терроризма, не имеет права именовать себя цивилизованным миром. Можно придумать сколько угодно отговорок, но факт остается фактом.

Разница между революционером и террористом, как говорил Арафат, заключается в цели их борьбы. Потому что те, кто борется за свободу и освобождение своих земель от захватчиков, не могут называться террористами. Иначе американцев следовало бы назвать террористами во время их борьбы за освобождение от английских колонизаторов, европейское сопротивление нацизму тоже было бы терроризмом, как и борьба азиатов, африканцев и латиноамериканцев, не говоря уже о многих из тех, кто сегодня заседает в Генеральной Ассамблее ООН.

Это справедливая и правильная борьба, освященная Уставом Организации Объединенных Наций и Всемирной декларацией прав человека. А вот те, кто сражается против справедливости, кто развязывает войны, чтобы захватить, колонизировать и притеснить других людей, – они и являются террористами, и их следует называть преступниками. Праведная же цель оправдывает вооруженную борьбу.

Эти слова применимы и к герою этой книги Ильичу Рамиресу Санчесу, известному также как террорист Карлос Шакал. Убежденный интернационалист-революционер, Карлос взял вооруженную борьбу за принцип и пожертвовал личной жизнью ради свободы третьего мира, задыхающегося в

нищете и несправедливости. Выдающийся боец и политический деятель, он вступил в борьбу как честный марксист и не закончил ее даже в тюремных стенах, откуда он говорит сегодня на языке Корана.

Политическая борьба Карлоса началась в то время, когда ветер перемен прокатился по всем странам: Пол Пот в Кампучии, Хо Ши Мин во Вьетнаме, немыслимый Мао, в Гаване смолил сигарой Фидель, а где-то в джунглях Боливии шел навстречу гибели Че Гевара, чтобы стать знаменем новых левых. И они появились везде – от Венесуэлы до Японии – красная армия юных замаршировала по всему миру, появляясь на самых немыслимых участках фронта.

Это была та перманентная революция, которую предвосхитил за десятилетия до этого выдающийся русский мыслитель Л. Д. Троцкий. Тут и там возникали революционные ячейки, ведущие подрывную деятельность против капиталистического мира: студенческие демонстрации шли рука об руку с боевиками-бомбистами всех национальностей. Но особой популярностью у революционеров пользовалась арабская Палестина – крохотное государство на Ближнем Востоке, оккупированное Израилем при поддержке самых мощных капиталистических стран. Борьба за ее освобождение зажгла сердца многих.

Именно палестинское освободительное движение стало сердцем новой международной революции: умница и красотка Лейла Халед не сходила с обложек глянцевого журнала

лов; тренироваться в палестинские лагеря приехали бойцы немецкой фракции Красной армии Ульрика Майнхоф и Андреас Баадер, члены итальянских «Красных бригад» и союзов джихада со всего мира. Знамя джихада тогда было красным.

Карлос Шакал в этом списке не был исключением, но именно ему предстояло занять место в авангарде бескомпромиссного движения. Его способности спутывать-запутывать следы и выходить из западни были зубной болью для спецслужб западных стран. Он легко мог пить кофе с утра на пьядца Навона, а уже вечером переправлять оружие из Восточного Берлина в Западный.

Он стал универсальным солдатом революции, воплощая в жизнь лозунг Хо Ши Мина: «Несите революцию во все страны». Он и нес. Он помог выйти на авансцену и многим другим товарищам-интернационалистам по всему миру – «Красным бригадам», Красной армии Японии, Революционным ячейкам Германии. Вся Восточная Европа была пронизана подпольной сетью команданте Карлоса. Пресса приписывала ему сотни вооруженных акций с поражающей своим размахом географией. «Карлос здесь, Карлос там, Карлос готовит ядерную бомбу, чтобы взорвать Нью-Йорк», – пошутил однажды он сам.

После крушения СССР Карлосу не осталось места в Европе, а потом и на Ближнем Востоке – лидеры государств опасались дружбы с идеалистом, который отказывался разору-

жаться и вывешивать белый флаг. Последним его прибежищем стал Судан, где Карлос вел жизнь преподавателя, рассказывая юным чернокожим бойцам о революционном ремесле. Но это время длилось недолго: он был похищен американо-израильской разведкой и доставлен во Францию, где его ожидала тюремная камера.

Не имея против Карлоса никаких серьезных улик, французское следствие обвинило его в убийстве двух агентов ДСТ в ходе перестрелки, хотя есть достаточно свидетельств того, что трагедия стала результатом организованной «Моссад» провокации. Мой друг писатель Эдуард Лимонов восхищенно сказал однажды: «Положить трех полисменов, когда они пришли к тебе проводить обыск, – для этого нужен не только револьвер, но и стальной стержень».

Такой стержень Карлос имел: с момента его похищения прошло около 23 лет. 23 года его пытаются прикончить в тюрьме: к нему подсылали других заключенных с целью убийства, годами держали в одиночной камере, морили голодом и оказывали психологическое давление. Но он все выдержал и шлет свой революционный привет из застенков самой правовой и демократической страны мира.

Саддам Хусейн восторгался Карлосом, он говорил о его необычайном мужестве. Каддафи, этот великий бедуин, давал ему оружие. Сегодня Саддам и Каддафи жестоко убиты, а Карлос, может быть, последний человек, который знает их тайны. Знает, но не спешит поделиться этим с общественно-

стью.

Сам того не желая, я вдруг был вовлечен в круговорот борьбы за его освобождение: мои связи с высокопоставленными политиками помогли достучаться до президента Венесуэлы Николаса Мадуро, всколыхнуть истеблишмент и общественность дюжины иностранных государств. Карлос пока не на свободе, поэтому книга, которую вы держите в руках, – это манифест его освобождения.

Уже не помню кто – или боевики-турки, или балканские анархисты – сказали: а почему бы тебе не написать его биографию, чтобы она не была похожа на все эти желтые книжонки о нем, изданные на Западе. Почему бы и нет, подумал я тогда и, отложив книгу, над которой в то время работал, принялся за дело. Ведь почти все, что написано и снято о Карлосе, – это вольный пересказ слухов. Ну, например, возьмем не очень авторитетный, но мегапопулярный источник – Википедию. Читаем:

«Ильйч Рамірес Сánчес (исп. Ilch Ramírez Sánchez, также известный как Кáрлос Шакáл (англ. Carlos the Jackal); род. 12 октября 1949) – международный террорист, осуществлявший террористические операции в интересах «Народного фронта освобождения Палестины (НФОП)», «Красных бригад», «Красной армии Японии», Организации освобождения Палестины (ООП). В настоящее время отбывает пожизненное заключение во французской

тюрьме Клерво».

То, что он отбывает наказание в Пуасси, а не в Клерво, биографов не смущает. Тем более не смущает, что Карлос не осуществлял «операции в интересах...», а сотрудничал с этими организациями по конкретным операциям. Согласитесь – большая разница.

«Родился 12 октября 1949 года в Каракасе». На самом деле – в Сан-Кристобале.

«В 1968 году Хосе Рамирес добился зачисления сына в Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы». Он добился зачисления в знаменитую Сорбонну, однако Карлос отказался от стипендии и поступил в УДН.

«Во время учебы в Москве Ильич познакомился с Мохаммедом Будия, членом Народного фронта освобождения Палестины (НФОП)». Штука в том, что команданте Будия никогда не учился и даже не жил в Москве. А значит, познакомиться с ним там Карлос никак не мог.

«Там (в Иордании. – *Примеч. авт.*) в 1970 и 1971 годах Ильич прошел две трехмесячные тренировки, став одним из лучших учеников Жоржа Хабаша, который дал Ильичу прозвище Карлос». Это прозвище он получил при других обстоятельствах, когда в Париже в одной из квартир был найден паспорт на имя Карлоса Мартинеса Торреса. То есть случайно. В Иордании же Ильич получил документы на имя Салима Мухаммеда из рук Ясира Арафата.

«Карлос проник в кафе Drugstore, расположенное в ожив-

ленном торговом районе Парижа, и бросил ручную гранату с балкона второго этажа в толпу. В результате теракта два человека были убиты и 33 человека получили ранения». Как-то так сказал французский суд, проигнорировав все документы, опровергающие причастность Карлоса к этому преступлению.

И так далее и тому подобное. Не лучшими источниками являются и фильмы – от знаменитого и столь же фантастического «Шакала» с Брюсом Уиллисом до мини-сериала «Карлос», где в главной роли снялся его однофамилец Эдгар Рамирес. Из тюрьмы Ильич даже написал письмо Рамиресу, посоветовав не позволять Голливуду вскружить ему голову:

«Приблизительно пять веков назад испанские “конкистадоры” открыли нефтяное месторождение; там же американские индейцы построили свой город Лобатера, самый древний в Венесуэле – государстве Тачира. Конкистадор по имени Рамирез – это наш общий предок, а его потомки колонизовали другие территории; среди которых Grita des tiens и Michelena были основаны моим прадедушкой и его друзьями. Эти территории находились очень близко друг к другу по направлению Лобатера.

Семья Рамирез из Michelena выделилась своим вкладом в общественность и в современную историю Венесуэлы. Они занимались животноводством, выращивали растения; среди них были префекты, профессора, фармацевты, адвокаты, полицейские,

инженеры... Идеология их брала свое начало из правой консервативной партии и переходила в левую коммунистическую. Никто из них не предал нашу страну, никто не опозорил нашу семью.

Почему же ты, Эдгар, изменил историю? Почему ты согласился на участие в фильме об антиреволюционной пропаганде, тем самым осквернив память самого известного из Рамирезов?

Я держусь крепко своих корней, хотя и не согласен с принципами нашего отца. Я не продамся декадентской империи. Эдгар, не позволяй мимолетной голливудской “славе” вскружить тебе голову. Медийное признание мимолетно! Оно не может заменить реальность, уважение и честь».

С этим всем нужно было что-то делать. У великого японца Юкио Мисимы (именно Мисимы – а не как переводят его фамилию у нас. Мисима – как взмах катаны) есть пьеса «Мой друг Гитлер». У меня не стоял вопрос, как назвать свою книгу о Карлосе – не просто биографию, а труд, который стал возможен с началом нашей дружбы со знаменитым революционером, – «Мой друг Карлос».

Мой друг – тот самый Карлос Шакал.

Эта книга создавалась на основе личных устных разговоров с участниками событий, включая Карлоса Шакала, присланных им документов, писем, изданных о нем книг и публикаций в печатной и интернет-прессе. Так как книга написана в жанре нон-фикшн, я не стал перегружать ее текст от-

сылками и она не претендует на полную достоверность, поскольку, имея дело с Карлосом, имеешь дело прежде всего с мифом.

Даже фото на обложке – один большой миф. Однажды я отправил ему в тюрьму фотокарточку, на которой я был запечатлен в майке с изображением этой канонической фотографии. Карлос мне тогда сказал: «Постой, постой, но это не я на фото. Это все придумали ДСТ!» Даже самый знаменитый кадр с Карлосом, который украшал обложки ведущих журналов, – миф.

Отдельная благодарность за помощь в создании книги моему дражайшему другу Карлосу, его супруге и адвокату Изабель Кутан-Пейре, моей терпеливой семье, храброму турецкому адвокату Гювену Иылмазу, славному Израэлю Шамиру, другу и товарищу Эдуарду Лимонову, переводчикам Виталине Курган и Евгению Филлимонову, редактору издательства «Питер» Татьяне Родионовой и всем, кого забыл. Вас много, я вас люблю.

Игорь Молотов, Москва, 2017 год

Глава 1. Ленин, Троцкий, Рамирес

В июне я тщательно готовился к поездке в Стамбул. С одной стороны, я должен был встретиться с адвокатами Ильича Рамиреса Санчеса, с другой – с вооруженным турецким сопротивлением и его командующим Салихом Мирзабейоглу. Мирзабейоглу сам может легко стать героем чьей-нибудь книги: длинноволосый, с головой как у льва, команданте освободился несколько лет назад из тюрьмы, где должен был просидеть до конца своей жизни. В конце 1990-х он был приговорен к смертной казни, а его люди, которые сражались вместе с армией Саддама Хусейна против американцев, были известны как «серьезные террористы», если верить сообщениям в СМИ.

Перед самым отъездом выяснилось, что Салих Мирзабейоглу исчез на время где-то в турецких ущельях, но зато я смогу говорить по телефону с Карлосом, известным еще как Карлос Шакал. Он уже бог знает сколько лет находился в заключении в Пуасси, где его последовательно хотели свести с ума, заперев в одиночной камере. Сегодня списывать его со счетов еще рано – из тюремных застенков он оказывает влияние на таких людей, как команданте Мирзабейоглу, диктует адвокатам свои политические статьи, которые печатают в русской, турецкой и испанской прессе.

Я в сопровождении четырех турок долго плутал по из-

вилистым улицам Стамбула, прежде чем, наконец, вышел к огромному административному зданию, где в наши дни располагается издательство журнала «Адимлар» – его прошлый офис был взорван. Здесь же набирали книгу «Слово за Карлосом Шакалом» на турецком языке. Мне дают телефон, и я слышу бодрый, веселый голос: «Товарищ Молотов!» – приветствует меня на хорошем русском самый опасный человек на планете. Мы дружим уже давно, но телефонные звонки – это большая роскошь для него и меня.

– Я хочу сказать следующее, – говорит мне Карлос, делая паузы между словами, – все эти истории со мной – они не самая простая вещь, за ними стоит война и служение человечеству, и не только ради арабов, не только ради мусульман, не только ради палестинцев, но ради всего человечества. Мои враги хотят обмануть весь мир, они придумывают много лжи. ...Я стал очень известным из-за средств массовой информации, а потом, когда они не смогли меня достать, они убили каждого члена сопротивления в Европе, кроме меня. Я был единственным, кого они не могли убить, все остальные были убиты, все остальные.

Мальчик, которому было суждено стать самым знаменитым революционером конца XX века, родился в 5 часов утра 12 октября 1949 года. Как это принято в латиноамериканских странах, младенец унаследовал сразу две фамилии – Рамирес от отца и Санчес от матери. К выбору имени сына отец подошел с особым энтузиазмом и, несмотря на протесты ма-

тери, назвал его Ильич. Когда Ильич прославится на революционном поприще и получит от врагов кличку Шакал, это приведет его отца Хосе Рамиреса Наваса в ярость: «Отчего его зовут Шакалом? Его зовут Ильич! Это славное имя настоящего революционера!» Для отца Ильича решение назвать сына в честь Владимира Ленина было данью его коммунистическим идеалам.

– Я выходец из зажиточной семьи, – вспоминал потом Ильич, – где принято, достигнув определенного положения, переселяться в столицу. Моя мать была преданной женой и образцовой хозяйкой дома; отец, доктор права, – поэтом, интеллектуалом, политиком, трибуном и пламенным революционером. Мое детство прошло в мелкобуржуазной, но проникнутой революционным мистицизмом среде. Этим объясняется данное мне, старшему ребенку в семье, имя Ильич. Мы с моим братом Лениным называли нашего младшего брата Владимиром. В контексте той эпохи подобный выбор был, пожалуй, дерзким вызовом обществу, но отец вряд ли серьезно рисковал – он всегда был близок к кругам находившихся у власти военных и гражданских политиков – соратников по борьбе, старых друзей, родственников...

Ильич вспоминает, что данные ему и его братьям имена громко и ясно заявляли об отношении семьи к знаковым фигурам революционной борьбы. Все великие люди, зачисленные в его личный пантеон, посвятили себя борьбе за

освобождение человека: Ленин, Сталин, Гайтан – глава Либеральной партии Колумбии, Сиприано Кастро – президент Венесуэлы с 1899 года, убежденный националист, Мао Цзэдун, Морасан – объединитель Центральной Америки, Густаво Мачадо – легендарный глава венесуэльской компартии, Гамаль Абдель Насер, Фидель Кастро, Че Гевара... И, разумеется, отец!

– Мировосприятие отца влияло на формирование моего политического сознания, я воспитывался на примерах жизни великих людей – властителей дум и символов революционной борьбы в XIX–XX веках. Эти люди были для меня образцом для подражания, ведь их замыслы и деяния выходили за рамки жизни одной отдельно взятой страны и влияли на весь мир.

Ильич Рамирес Санчес родился в городке Сан-Кристобаль, в западном штате Тачира, где религиозный фанатизм парадоксально сочетался с левыми идеями. В этом смысле воплощением такого симбиоза являлся отец Ильича Рамирес Навас: в детстве он был истовым католиком и даже поступил в духовную семинарию Святого Фомы Аквинского, но, как и Сталин, позднее порвал с религией и объявил себя воинствующим атеистом. Он вспоминал, что почти три года ему потребовалось для того, чтобы понять фарисейство церковников.

В начале 1930-х годов Рамирес Навас плюнул на обучение, собрал фанерный чемодан и отправился в родной го-

родок Мичелена. Однако в отчем доме ему не суждено было задержаться надолго: вскоре его выдворили за укрывание беглого преступника и коммунистические взгляды.

Впрочем, Рамирес Навас не отчаивался. Он уехал в Колумбию, где поступил в боготский Свободный университет, чтобы обучиться на юриста. Там и произошло его знакомство с трудами Карла Маркса и Владимира Ленина, которые изменили всю его дальнейшую жизнь. Свои первые шаги на революционном поприще он сделал, познакомившись с выдающимися коммунистическими деятелями Колумбии – Хорхе Гайтаном и Густаво Мачадо. Последний был лидером запрещенной в Венесуэле Коммунистической партии. Неудивительно, что в родной городок Рамирес Навас вернулся убежденным марксистом-ленинцем, агитатором и опытным заговорщиком.

В то время по Венесуэле всюду гулял ветер перемен: в 1935 году в возрасте 79 лет скончался диктатор генерал Хуан Винсенте Гомес, человек жесткий и деспотичный. Вот что рассказывает нам о нем свободная энциклопедия:

«С течением времени он начал не только жестко подавлять мятежи, но и подвергать репрессиям тех, кто лишь критиковал его по отдельным вопросам. Под благовидным лозунгом “Союз, мир и работа” суды безжалостно отправляли таких лиц в тюрьмы или приговаривали к дорожным работам. У попавших в немилость землевладельцев конфисковывали имения, отбирали собственность. Даже родного брата Гомеса,

заподозренного во властных амбициях, в 1923 г. устранили физически».

Да, он не пожалел брата – это много о чем говорит.

Старая оппозиционная элита была разгромлена или изгнана из страны, а новая долгое время не могла оформиться. Неожиданные для диктатора волнения произошли лишь в 1928 году – они сопровождались студенческими антиправительственными демонстрациями. Режим ответил мобилизацией и казарменным положением: не только все военнослужашие, но и слушатели Военной школы и почетный караул были поставлены под ружье. В итоге армейские патрули совместно с полицией жестко подавили выступления. А через некоторое время в Каракасе вспыхнул военный мятеж... В конце концов смерть Гомеса в 1935 году вызвала небывалое ликование, частично превратившееся в суд Линча над его ближайшими соратниками. Но теперь Венесуэла вздохнула полной грудью политической вольницы. Именно в это время в большую политику вступает Рамирес Навас – и не как рядовой боец, но как один из основателей партии «Демократическое действие».

Однако эйфория от свободы длилась недолго: когда партия пришла к власти на волне революции в 1945 году, Хосе понял, что новая власть его товарищей не сильно отличается от прежней. Есть выражение, что язык до Киева доведет. Рамиреса он довел до тюремной камеры. Идеальный боец за свободу не скрывал своего разочарования и всюю

критиковал новый режим, клеймя его позором за подавление гражданских свобод. После освобождения он примкнул к компартии, симпатизировавшей Советской России. Выступая как неистовый революционер, он обрушивался на партаппаратчиков за их консервативность и нежелание мыслить в ленинских масштабах. Так что и здесь он остался свободолюбивым одиночкой.

Махнув рукой на политические распри, он занялся частной адвокатской практикой и стал вполне успешным и востребованным адвокатом в Сан-Кристобале. Там он и познакомился с матерью будущего легендарного революционера Эльбой, которая, в отличие от мужа, была набожной католичкой. Ничего не скажешь: плюс на минус дает плюс. Всю семейную жизнь она будет сражаться с «грубыми» убеждениями Рамиреса Наваса, но одержать верх так и не сможет. Даже речи о том, чтобы малыш Ильич пошел учиться в семинарию, в этой семье быть не могло.

Если отец получил необходимые теоретические знания в студенческие годы, то Ильич уже к десятилетнему возрасту был хорошо подкован в марксистско-ленинской теории и был знаком с работами Льва Давидовича Троцкого, в том числе с книгами «О Ленине. Материалы для биографа» и двухтомником «Сталин», где подвергались критике слева советская бюрократия и партийный аппарат. Надо сказать, что Троцкий вообще был популярен в Латинской Америке, но в сердце юноши он нашел особое место.

Хотя отец одинаково любил всех своих сыновей: Ильича, родившегося в 1949 году, Ленина 1951 года рождения и самого младшего Владимира 1958 года рождения, больше внимания, как это часто бывает, доставалось первенцу. Но внимание – это ведь не только развлечения, это и обязанность. И именно Ильич встал на путь международной освободительной борьбы, оправдав данное при рождении имя. С ранних лет Рамирес Навас повторял Ильичу, что человек должен сражаться, биться за свои идеалы – и только так он может стать сильным. Ильич хорошо усваивал уроки еще и в силу наследственности, уходящей корнями в гущу революционных событий прошлого.

Некоторые венесуэльские газеты писали, что предком Ильича Рамиреса Санчеса был сам Симон Боливар, великий освободитель Южной Америки. Но доподлинно известно, что родственники Ильича снискали славу настоящих политических борцов: дядя Ильича принимал участие в революции 1945 года, когда со своего поста был низложен Исайас Медина, не самый плохой президент Венесуэлы (Медина, кстати, установил дипломатические отношения с Советским Союзом). Дед Ильича по материнской линии был настоящей легендой в семье – врач, создавший из своих сторонников революционную армию, которой удалось в 1889 году совершить переворот в Каракасе и пару лет править страной. Закончил он свою жизнь не менее романтично – прикрывая отход своих товарищей, он в одиночку противостоял силам

правительства, пока не был пленен. Но даже в плену он отказывался выдавать своих товарищей, сносил ужасающие пытки и провел семь лет в бетонной коробке, закованный в кандалы. Вот это беспредельное и настоящее мужество.

Конечно, Ильич был в восторге от своих героических предков! Позднее он восхищенно говорил, что, проведя семь лет в страшных условиях, его дед все-таки обрел свободу, хотя и лишился всего, кроме верной жены, которая ждала его на протяжении этих лет. Мог ли он подумать тогда, что судьба его ближайшего предка пройдет красной нитью в его собственной жизни?

Не меньше на него повлияла и жизнь отца, который с 16 лет вступил в Партию революционеров Венесуэлы. Первые 60 лет его жизни вместе со своими друзьями Луисом Фоссе Бароетта и Гульельмо Гульелми Хосе занимался экстремальной политикой. Рамирес Навас был организатором заговора более 300 молодых полицейских – националистов из Колумбии. Он хотел скоординировать их с генералом Кастро Леоном.

– Вечером, – вспоминает Ильич, – когда венесуэльские офицеры были готовы выдвигаться в Кукуту из их гостиницы, которая располагалась позади издательства газеты El Espectador и в 250 метрах от нашей резиденции в Боготе, мой отец отправил меня передать сообщение их главному – Луису Альберто, чтобы тот на несколько дней отложил выступление. Меня сопроводили до второго

этажа агенты колумбийских спецслужб DAS, которые охраняли вход. Не дожидаясь, пока мне откроют, я постучал в нужную дверь и вошел, оказавшись напротив самого Кастро Леона и его офицеров. Я вышел, а в коридоре двое офицеров из DAS меня схватили. Тот, что меня вел, повторял «мы доставим вам этого хорька», но командир приказал меня отпустить. Взволнованный, я бегом добрался до дома, понимая, насколько мой отец был серьезным человеком, чтобы иметь за собой поддержку из Fuerte Tiuna (главная казарма в Каракасе) и из Conejo Blanco (военная база в Каракасе)»

Государственный переворот Леона Кастро тогда провалился. Два младших лейтенанта, управляя танком, преждевременно начали восстание. Их преследовали, пока у них не кончилось топливо. Потом капитуляция офицеров и их незамедлительный расстрел из автомата были сняты с разрешения правительства и транслировались по колумбийскому телевидению. Надо сказать, что ни один офицер тогда не был арестован. Только глава заговора, знаменитый лейтенант по прозвищу Пеначо, герой колумбийского батальона, потихоньку очищал свое имя после серьезного обвинения и готовил новый мятеж. Впрочем, это ему не мешало приходить к семье Рамиресов Санчесов на завтрак каждую неделю вместе с лейтенантом Эрнаном Гутье. Ильич и его младший брат Ленин регулярно навещали его в холодной тихой комнатке штаба колумбийского артиллерийского командова-

ния с находившемся рядом зеленым участком, на котором гуляли олени.

Ильич вспоминает, что в начале 1961 года их скромную квартирку каждый день посещали изгнанники из Венесуэлы. Он должен был смотреть за патрулями из ФБР, чтобы «гости» могли входить и выходить из дома без проблем. Однажды, раскусив его «маленькую игру», один агент ФБР поймал Ильича и попытался его допросить. Ильич уверял, что не знает английского языка, а американец орал на него с жутким кубинским акцентом (это был так называемый *gusanos* – выходец с Кубы, работающий на ЦРУ).

Видя, что его старые компаньоны по заговору с 1940-х смотрят на все слишком фанатично и не оценивают реальное положение дел, Рамирес Навас решает вернуться в Каракас.

– С моей помощью он сперва разорвал и сжег один из двух документов о заговоре 1947-го, – смеется Ильич. – И за военную часть заговора, и за политическую отвечал его младший брат Карлос Хулио. Коммюнике было написано его рукой, первая подпись была тоже его, потом моего отца и сотен офицеров. Подписывались все своей кровью, кроме двух последних заговорщиков, которые оказались агентами посольства. Так как мой отец не был человеком, который лично в руки смог бы взять оружие, он не завоевал власть; но он владел необыкновенным умением организовывать государственные перевороты. Это он научил меня правилам конспирации, показал на практике, как

нужно уходить в подполье, чтобы передвигаться между службами разведки и использовать их агентов, особенно женского пола, и как никому не попадаться в лапы. Последний раз я видел моего отца в 1974-м. С молоком матери я впитал воспитание отца, моего великого наставника и товарища, который мне внушил непоколебимые принципы.

Говоря о своем отце, он всегда отмечал силу его убеждений и особенный взгляд на вещи, который порой становился камнем преткновения между родными людьми. Много лет спустя Ильич говорил:

– Я наивно упрекал его в нежелании реально участвовать в революционном процессе, он же безуспешно пытался примирить меня с некоторыми политическими реалиями, давно утратившими свой романтический ореол. Мы отдалились друг от друга, отношения наши стали в основном «эпистолярными», потом иногда мы встречались на нейтральной территории. Но вопреки времени и расстояниям связь между нами всегда оставалась прочной, отношения были проникнуты теплом и любовью. Мой отец всегда, в любых обстоятельствах очень гордился тем, что я выбрал для себя путь профессионального революционера и храню верность делу, хотя он и воспринимал революционное насилие как нечто сугубо теоретическое. Он был убежден, что насилие в исторической перспективе может и должно принимать формы военных государственных переворотов и

путчей, призванных разрушить буржуазный строй. Хочу подчеркнуть, что выбор в пользу вооруженной борьбы мне был навязан обстоятельствами, в том числе жестокостью врагов революции. Я, безусловно, хотел в своей борьбе пойти дальше отца. Изживание прошлого, расставание с идеалами и идеями, заложенными в семье, стали для меня одним из главных факторов в выборе пути – пути политического протеста целого поколения, отразившего требования и настроения исторического момента.

Если по воспитанию Ильич был «папиным сыном», то больше походил на мать: имел круглое, немного бледное розовое лицо и обладал бархатным голосом. Только нос, похожий на клюв хищника, выдавал в нем черты, унаследованные от отца. И тем не менее Эльба продолжала битву за душу Ильича. Как утверждали друзья семьи, она втайне крестила своего первенца, а когда, например, муж был занят делами, Эльба водила детей на католическую мессу. Помогло ли это? И да, и нет. Ильич все-таки придет к Богу, – правда, вместо католичества обратившись в ислам, – и возьмет в Палестине исламское имя Салим Мухаммед. Можно сказать, что хотя и через много лет, но Эльба одержала свою победу.

После того как Ильич стал знаменитым, пресса начала придумывать всякие небылицы не только про него, но и про его отца. Например, СМИ писали, что Рамирес Навас был долларовым миллионером, который засыпал деньгами свое чадо. На самом же деле состояние отца было гораздо скром-

нее, чем даже у других родственников Ильича (его дядя, к примеру, владел кофейной плантацией). Так что если говорить строго в марксистских терминах, то Ильич вырос в мелкобуржуазной семье, как, кстати говоря, и Владимир Ленин, в честь которого он получил свое имя. Но никаких миллионов в семье Рамиреса Наваса никто не видел.

Успешная адвокатская практика Рамиреса Наваса позволила ему дать детям частное образование. Для этого он нанял преподавателей-коммунистов, которые, кроме основных общеобразовательных знаний, помогали осваивать и теорию марксизма. Сам Ильич без особого восторга вспоминает образование дома: «Пока дети играли со своими сверстниками, мы были вынуждены просиживать дома». И пожалуй, Ильич был прав: вне стен дома он всегда был лидером среди ровесников. Он любил брать на себя ответственность, принимать решения и обладал сильной харизмой. Одной из любимых игр Ильича были знакомые всем советским детям «казаки-разбойники», где он мог показать все свои организаторские качества и недюжинную смекалку. Вооружившись деревянными пистолетами, Ильич с ловкостью менял амплуа от «доброего казака» к «злому разбойнику». Это все, уже в других масштабах, он повторит и в жизни.

Его первым учителем в то время была Лигия Рохас, которая называет Ильича «самым известным и любимым ее учеником». Она вспоминает, что познакомилась с семьей Рамиресов в конце 1955 года, во время диктатуры Переса. Как и

многие другие, Рохас была отстранена от работы за членство в Коммунистической партии. Узнав об этом, Рамирес Навас предложил ей давать частные уроки своим детям. Она рассказывает:

– Он был марксистом и радикалом. Еще он не мог допустить, чтобы образованием его детей занимались монахини. И кто-то ему сказал обо мне, и с этого времени я стала частым гостем в их доме. Ильич был физически очень активным. Он был более продвинутым, чем дети его возраста, и производил очень приятное впечатление. Почему-то я сразу выделила его среди остальных детей. Кроме того, он был добр ко мне. Когда я приезжала, то он выбегал встречать меня, говоря «мастер-учитель». У него всегда было обострено чувство социальной ответственности, и когда потом я узнала о том, что он встал на путь борьбы, я была не удивлена.

В начале 1960-х годов открылась новая страница бурной политической биографии Ильича – отец направил его учиться в лицей Формина Торо в Каракасе, который снискал славу Мекки для столичных леворадикалов. Его студенты срывались с занятий и выходили на демонстрации против запрещения компартии, вступали в драку с полицией и вообще считались лихими парнями, не стеснявшимися при случае нарушить закон. Сам Ильич вспоминал: «Этот лицей был знаменит по всей стране. Там учились все будущие видные революционеры». До поры до времени Ильич предпочитал

присматриваться к происходящему, но все изменилось зимой 1964 года, когда он вступил в запрещенный Союз коммунистической молодежи. На тот момент ему было 14 лет.

– Я рано сделал свой политический выбор. Уже в юности я пошел по стопам отца, хотя в конечном итоге не сам человек решает, быть ему революционером или нет, – выбор за нас делает Революция! В январе 1964 года я примкнул к тайной организации Венесуэльской коммунистической молодежи. Убежденность в правильности избранного пути крепла на протяжении всей моей жизни, и разочарование, связанное с крушением советской системы, лишь укрепило мою революционную веру. В Союзе я сделал первые шаги в революционном движении, – рассказывает Ильич.

И не только первые шаги – очень скоро он становится одним из лидеров городской организации. В те годы (1965–1966) Союз насчитывал всего около двух сотен членов, однако за безбашенность и дерзость они быстро сделали себе имя в Каракасе и за его пределами, а антиправительственные демонстрации, которые организовывал Ильич, не на шутку испугали президента Рауля Леони.

За время участия в протестном движении Ильич получил не только организаторские навыки, но и опыт городского партизана – теперь он умел готовить терпкий коктейль Молотова, а на его счету были подожженные банки и дорогие автомобили. Юноша все чаще стал посещать бедные рабочие

квартиры, где впервые узнал о безнадежном положении рабочего класса. Тогдашний президент, лидер местных масонов Леони обращал мало внимания на внутренние проблемы венесуэльцев, беспокоясь лишь о том, как он выглядит в глазах кураторов из США.

Много позднее, когда французский суд затребует от компартии Венесуэлы характеристику деятельности Рамиреса Санчеса, там дипломатично и сухо ответят, что Ильич действовал в рамках закона. Некоторые иностранные биографы используют это, чтобы подчеркнуть незначительность Ильича в революционном движении Венесуэлы. Хотя очевидно по тону ответа, что представители компартии лишь пытались максимально оградить Ильича от возможных негативных последствий.

Здесь мы заходим на зыбкую почву журналистских мифов. Самым таинственным эпизодом юности Ильича считается его обучение на Кубе, где все еще гремела и побеждала революция во главе с Фиделем Кастро. Именно туда стремились латиноамериканские революционеры, чтобы скрыться от преследований или пройти обучение партизанскому делу. Очень часто эти две цели объединялись.

Итак, по часто встречающейся в биографии Ильича версии, Рамирес Навас послал его на Кубу примерно в конце 1966 года. Политический лагерь, который славился своими курсами саботажа, носил название «Мантанзас» и находился недалеко от кубинской столицы. Согласно этой леген-

де, Ильич был лучшим выпускником Главного управления разведки или секретной службы Фиделя Кастро. Якобы он учился у эквадорца Антонио Дэгю-Бювье, лучшего специалиста по диверсиям и саботажу с аккредитацией КГБ СССР. По другой версии, его учителем был знаменитый падре Камило Торрес, колумбийский священник, один из основателей теологии освобождения. Личность крайне интересная – соратник Че Гевары, в течение жизни он пытался примирить и объединить революционный марксизм и католицизм, а за полтора месяца до своей смерти примкнул к колумбийской Армии национального освобождения (ELN). Настоящий ма- ньяк-интернационалист.

Но как бы романтично это все ни звучало, ни Ильич, ни официальные лица Кубы не подтверждали не то что самого факта обучения, но даже пересечения границы венесуэльцем по фамилии Рамирес. Против этой версии говорит и тот факт, что во время предполагаемого обучения Ильича на Кубе в лагере «Мантанзас» его «учитель» падре Торрес уже был убит в перестрелке с правительственными войсками Колумбии. Не до Ильича было.

Хотя как бы хотелось представить Ильича профессиональным террористом со студенческой скамьи: ведь именно для этого давал показания кубинский перебежчик Орландо Кастро Идальго. Сегодня ЦРУ уже не так уверенно говорит, что Рамирес Санчес находился на Кубе в указанное время. Французы решили этот вопрос более элегантно: «Это ЦРУ

утверждает, что Ильич был направлен на Кубу с целью обучения диверсионному делу. Мы не можем подтвердить, так ли это». Вот французы! Хуже иезуитов!

Так или иначе, самый первый миф развенчан.

Глава 2. Сартр и московская *dolce vita*

Куба далеко, а граница рядом. Если оставить в стороне байки про кубинский эпизод и посмотреть на то, что документально известно, то картина складывается не менее любопытная. А известно, что возмужавший Ильич вместе с матерью и братьями отправился за океан, в самое сердце старого капиталистического мира. Поначалу Рамирес Санчес учился в Стаффордском колледже, блестяще сдав экзамены и зарекомендовав себя настоящим джентльменом:

– Студентом я преуспевал в гуманитарных науках – истории, географии, литературе и особенно в психологии. В июле 1966 года я получил в Каракасе степень бакалавра. Приехав в августе того же 1966-го в Лондон, я через год стал бакалавром по специальности *ordinary levels London University Board*, а в 1968-м сдал экзамены на *advancedlevels*.

Примерно в это же время в жизни Ильича появился человек, оказавший серьезнейшее влияние на его мировоззрение. В 1966 году Ильичу предложили сделать перевод «Грязными руками» – произведения безумно популярного французского философа-социалиста Жана-Поля Сартра для студенческого театра Главного университета Венесуэлы. Тогда

его впечатлила смелость мыслей Сартра, который говорил о социальном неравенстве. Да и биография философа вызывала уважение: Сартр был крутым парнем, участвовал в протестах против Алжирской войны, выступал с критикой готовящегося блицкрига американских коммандос на Кубу. В течение жизни его политические позиции иногда сильно менялись, однако всегда оставались левыми, и Сартр не прекращал отстаивать права «обездоленного человека». Если Ленин был светочем политическим, то Сартр стал светочем интеллектуальным, который неизменно находил оправдание любому сопротивлению против угнетателей.

«За любое счастье приходится расплачиваться, нет такой истории, которая не кончилась бы плохо, – считал Сартр. – Пишу об этом не с какой-то патетичностью, а просто так, хладнокровно, потому что всегда так думаю и потому что надо было об этом здесь сказать. Это ничуть не мешает мне впутываться в истории, но у меня всегда было убеждение, что у них будет мрачный конец, никогда мне еще не приходилось испытать счастья без того, чтобы я не подумал о том, что произойдет после».

И однажды Сартр даже добавил: «Коммунизм такая вещь, что ради него стоит пройти через ад!»

Ильич рассказывал, что его отец был страстным поклонником французской культуры и однажды повез всю семью в Париж, чтобы познакомить с городом, ставшим Меккой для интеллектуалов всего мира. Когда семья проходила мимо ка-

фе «Кафе де Флор», он показал Жана-Поля Сартра, который всегда обедал за одним и тем же столиком. И до 1975 года, будучи в Париже, Ильич всегда старался найти время, чтобы зайти в «Кафе де Флор» и полюбоваться на Сартра, беседовавшего о чем-то со своей спутницей Симоной де Бовуар.

– Однажды в 1973 году, прогуливаясь по бульвару Святого Мишеля, я увидел, что Сартр приближается ко мне с большой улыбкой, чтобы дать первый номер своего журнала. Затем Сартр обнял меня и позвал Симону. Симона была окружена десятком журналистов и грациозно уворачивалась от вспышек фотокамер. Сартр велел мне не ждать, чтобы сфотографироваться. Я был молод и выглядел стильно, на талии под пиджаком висела амуниция от пистолета. К сожалению, я уже ожидал, что в ближайшем будущем мне придется скрываться, поэтому я ускользнул на бульвар Сен-Жермен... Такова была плата за борьбу – я должен был скрывать, кто я, – Ильич говорит об этом с легкой грустью.

– Экзистенциализм Сартра был частью моих юношеских исследований, и это помогло мне интеллектуально развиваться, научиться избегать практически религиозных догм, навязанных нам Москвой. Сартр был в оппозиции к собственным идеям от имени солидарности с борцами. Его страстный пример помог мне выжить перед лицом геополитических катастроф. Великий драматический писатель, истинный философ,

настоящий революционный боевик, который не боялся говорить правду публично и публично же отстаивать свои принципы.

В Лондоне Карлос учился, познавал западный мир и его гениев, а также выполнял отеческие функции для своего брата Владимира. Владимир, самый младший из братьев, потом рассказывал, как Ильич отучал их от вредных привычек:

– Я помню один случай, когда мне было 13 или 14 лет и Ильич взял меня с собой в кинотеатр на мой самый первый фильм. Это было про жизнь генерала Паттона. В то время я начал покуривать, и однажды наш брат Ленин нашел у меня пачку сигарет и хотел рассказать все матери. Но вдруг пришел Ильич и спросил, что происходит. Ленин объяснил, что нашел сигареты. Он отвел меня в сторону и усадил меня с ним. Он закурил сигарету и сказал мне курить. Я начал кашлять, тогда он дал мне виски и велел выпить. Конечно, это был первый напиток, который я попробовал, и мне сделалось дурно. Тогда Ильич сказал мне: «Посмотрите, вы не знаете, как курить, и не знаете, как пить, если в следующий раз, когда я увижу коробку сигарет или когда от вас будет пахнуть спиртным, а вы не научились пить, я дам вам взбучку, сударь, вы будете наказаны. Но если вы научились курить и пить, мы пойдем на вечеринку вместе.

Потом британские журналисты попытаются представить двух братьев настоящими прирожденными убийцами, кото-

рые исправно тренировались в стрельбе в Кенсингтонском элитном клубе. Ну как иначе, ведь еще в детский манеж им святая Эльба подкладывала советские гранаты! Конечно, юноши должны были много стрелять! Вот только в журнале регистраций этого клуба нет ни Санчесов, ни Рамиресов, ни других охочих до оружия венесуэльцев.

На самом деле в короткий лондонский период Ильич все свободное время посвящал светским и интеллектуальным мероприятиям, а не стрельбе. Эльбу нужно было сопровождать на регулярные вечера, устраиваемые венесуэльским посольством. Уже там он мог продемонстрировать свою утонченность и светскость: одетый в сногшибательный даже по английским меркам костюм, Ильич вальяжно вел светские беседы с дипломатами и большими шишками, приглашенными послом. В этом образе он выглядел значительно старше своих лет. Есть фотография, на которой запечатлен один из таких приемов: Ильич стоит позади своей матери, слегка поддерживая за руку молодую брюнетку. Он усмехается.

Ильич привык жить в комфорте. Сам он замечал, что живет как в последний день:

– Если ты революционер, то твоя жизнь может оборваться в любую минуту. Поэтому я люблю, когда есть хорошая выпивка, вкусная еда и дорогие сигары. Нет ничего плохого в мягкой постели или танцах. Или, может быть, кому-то станет плохо от того, что я люблю играть в карточные игры? Не смешите меня.

Кстати, другой революционер, мой близкий товарищ Эдуард Лимонов имеет точно такие же представления о так называемой революционной аскезе («Книга мертвых – 2»):

«Я не родился с одной темой в голове. Я родился сложным. Мне близок и “острый галльский смысл”, и “сумрачный германский гений”. Мне близки и тюрьма, и ресторан. И ложе любви. В последние годы в Интернете всякие недочеловеки высказывают свое тусклое непонимание, почему я – человек протеста, “революционер”, как они меня называют, появляюсь на “гламурных”, как они такие вечера называют, сборищах. По простой причине, о унтерменши, что, помимо войны и разрушенных городов, я люблю и устрицы с шампанским (вкус отточил за четырнадцать лет жизни в Paris), и люблю лицезреть красивых девушек, и все это потому, что противоположный конец шкалы человеческой жизни, где унижения, тюрьма, война, смерть, мною хорошо разведан. Я впадаю в восторг от предельной удаленности устриц с шампанским от блюда, которым нас кормили в перерыв в Саратовском областном суде: суп с головами и хвостами килек – блюдо называлось “аквариум”. Отвратительная гадость, я вам доложу. Я всю жизнь с пятнадцати лет и по сей день, то есть на протяжении пятидесяти лет (полустолетия!), пишу стихи. Их признают если не наилучшими, то из лучших стихов последнего полустолетия. То есть у меня есть вкус, стиль, и так случилось, что диапазон

моего литературного и эстетического вкуса широк: от вонючего пойла с головами килек до устриц и “Вев Клико” хотя бы.

Я понимал и понимаю рафинированное и изящное, и если удастся ополоснуть палату рта глотком Шато Лафит-Ротшильд, то я простенько радуюсь, а не мучаюсь противоречием между моими радикальными политическими взглядами и глотком Шато Лафит-Ротшильд. Видимо, образ “революционера” у среднего обитателя Интернета связан с голодом и тюрьмой, лохмотьями на плечах и унылым выражением лица. Такое понимание “революционера” никогда не соответствовало действительности. Боевая организация эсэров, к примеру, вовсе не вела пуританский образ жизни, но даже на свои заговоры собиралась по преимуществу в дорогих ресторанах и трактирах. Конечно, эсэров и убивали, и казнили, но они не отказывались до совершения подвигов и от “красивой жизни”, если она была возможна. До подвига. Или в перерывах между подвигами. Тот, кому завтра умирать, должен жить хорошо».

Под каждым словом мог бы подписаться Ильич, умевший по-настоящему ценить жизнь.

В британской столице он сразу же пытается участвовать в политическом движении, посещая митинги и демонстрации. Уже через несколько месяцев Ильич пробует организовать международный союз студентов. Это событие было сразу удостоено внимания полиции, которая заинтересовалась

молодым иностранцем. Почувствовав неладное, он быстро исчез из ее поля зрения, однако в скором времени начал с нуля создавать ревмол Венесуэлы, который должен был иметь свои ячейки во всех странах Восточного блока. Куратором Ильича тогда стал полевой командир и революционер-боевик Хуан де Диос Монкада Видал, человек скрытный и не любящий шума.

Впрочем, из этого ничего получиться не могло: неожиданно в Лондон прилетел отец, Рамирес Навас отвез старшего и среднего сыновей в Париж, чтобы подготовить к поступлению в знаменитую Сорбонну... Все бы так и шло, если бы Ильич вдруг не заявил, что хочет ехать в Советский Союз. Сказать, что все были потрясены, – это ничего не сказать: Ильичу уже выписали стипендию в самом престижном учебном заведении мира – в Сорбонне, и тут он очертя голову едет на родину Великой Октябрьской социалистической революции.

Решение о создании в СССР интернационального Университета дружбы народов было требованием времени. Необходимо было оказать помощь странам, получившим свободу от колониальной зависимости в период 1950–1960-х годов. Одной из задач УДН стала подготовка высококвалифицированных кадров для стран Азии, Африки и Латинской Америки, воспитанных в идеалах интернационализма. Но не все измеряется политикой – все-таки основной целью университета было предоставить возможность получить высшее

образование молодежи из малообеспеченных семей.

Прием студентов осуществлялся через общественные организации и правительственные учреждения, в последующем – через посольства и консульства СССР. И снова над нашей историей нависает зловещая тень КГБ; в разных иностранных биографиях Ильича указано, что его поступление в УДН выхлопотал сотрудник КГБ при советском посольстве в Лондоне. Якобы этот секретный сотрудник помог получить визу и достать билет в Советский Союз, несмотря на то что у юного венесуэльца не было даже гранта на обучение. Этим еще объясняется и вольготная, непринужденная жизнь студента в столице красной России.

На самом же деле в 1968 году 18-летний Ильич получил грант на обучение от Общества советско-венесуэльской дружбы, а деньги за билет он заплатил сам, выбрав для путешествия британские авиалинии. Наконец, сам он во время допроса рассмеялся следователю в лицо, когда тот с упорством пытался вменить ему вербовку КГБ в лондонском посольстве.

– Мне было всего 18 лет, – смеется Ильич. – Все было гораздо проще.

Многие молодые люди, среди которых были Ильич и Ленин, мечтали поехать в Москву, чтобы своими глазами увидеть могущественную империю Советов. Ильич вспоминает:

– Я прибыл в Москву в 1968 году, за несколько дней до своего дня рождения 12 октября.

Мне вот-вот должно было исполниться 19 лет. Я поступил в Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. То была пора революционного брожения: движения в поддержку Че Гевары, Мао, Вьетнама, антиколониальные, антиссионистские и антиимпериалистические выступления, суровые кризисы биполярного равновесия, от которых выигрывали прежде всего простые люди, а также вспышки подрывной деятельности в странах «реального» социализма.

Я приехал в Москву молодым коммунистом и коммунистом же покинул ее 20 июля 1970 года. За это время я стал яснее понимать те внутренние противоречия, которые 20 годами позже привели к краху СССР и развалу социалистического лагеря – посмертному торжеству Лаврентия Берии...

О Михаиле Горбачеве справедливо говорят, что он отец гласности и перестройки. Обе эти меры были необходимы, чтобы довести до логического завершения культурное преобразование одряхлевшего «реального социализма». Однако при этом, к сожалению, забывают о том, что Горбачев был первым секретарем Ставропольского крайкома КПСС, то есть возглавлял русскую колониализацию Северного Кавказа. На этот пост его выдвинул Юрий Андропов, вернейший последователь Берии, не извращенец-психопат, а убежденный антикоммунист. Тот самый Андропов, который в 1956 году яростно воспротивился захвату власти в Венгрии Яношем Кадаром и его товарищами,

истинными коммунистами, героями Сопротивления первому в истории фашистскому режиму.

Юрий Андропов регулярно ездил охотиться под Ессентуки. Останавливался он у отца Наташи Наймуншиной, актрисы, владеющей многими иностранными языками, моего хорошего друга. Наташа родилась в Берлине во время Великой Отечественной войны. Ее родители были заброшены в Германию в качестве разведчиков. Отец, Герой Советского Союза, всю войну прослужил офицером генштаба Третьего рейха. Летом 1969 года Наташа пригласила меня на каникулы в горы, на дачу, куда наезжали сливки советской партноменклатуры. Там я познакомился с Соней, своей первой большой любовью...

Из доверительных бесед я мало-помалу уяснил, что кризис системы неминуем. На то были экономические причины (провидческий доклад Аганбегяна), идеологические (я штудировал ленинские секретные архивы в Библиотеке имени Ленина), политические (доклады ЦК относительно партий стран – участниц Варшавского договора), военные (полная неразбериха в отделе ВВС, ведавшем разработкой реактивных двигателей) и стратегические (взрывоопасная ситуация на Уссурийском «фронте», отчуждение армий, размещенных на территории братских республик)...

Все это должно было как-то укладываться в голове деятельного подростка, который в полной мере наслаждался

dolce vita под «Подмосковные вечера», но параллельно должен был выполнять «спецзадание» венесуэльской герильи.

– КГБ и ГРУ всю шерстили элиту молодежи, отбирая тех, кому предстояло стать либо лучшими, либо худшими гражданами своих стран, кто негласно способствовал победе дела Берии. Эта победа обернулась катастрофой не только для народов Советского Союза, ибо лишила их общего социалистического имущества, но и для остального человечества – оно было брошено на произвол хищной гегемонии янки. Мир впервые обрел выраженную однополярность, – пишет Ильич.

Итак, приступив к изучению марксистской теории по-советски, Ильич не упускал возможности влиться в богемную жизнь. Он был не стеснен в средствах и мог их спокойно тратить в валютных магазинах, доступных далеко не всем советским гражданам. Конечно, такой студент имел большую популярность как в студенческой среде, так и среди молодых советских литераторов и поэтов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.